

УДК 321.02; 325.1; 327.3
DOI: 10.17223/1998863X/37/28

В.С. Тормошева

АКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Исследуется актор мирового политического процесса в контексте транснационализации – тренда современности, тесно связанного с растущим межкультурным взаимодействием по представлению властных интересов поверх национальных границ. Основное внимание уделено определению понятия «транснациональный актор», описанию форм транснациональной политической деятельности и классификации этих специфических акторов транснационального политического пространства.

Ключевые слова: политическое пространство, транснационализация, транснациональный актор.

В современном мире с его быстро усложняющейся функциональной и социальной структурой различные виды и типы пространств начинают играть все более значимую роль по сравнению с их традиционной территориальной организацией. Неслучайно, что в общественно-гуманитарных науках сегодня активно изучаются разнообразные пространственные отношения – феномены глобализации, регионализации, интернационализации, транснационализации и др.

В одной из первых отечественных работ начала 90-х гг. XX в., посвященных изучению политического мира во времени и пространстве – «причудливой смеси реального и ментального» – еще не используется понятие актор, но уже идет речь о роли индивидуальных и коллективных деятелей по социализации окружающей действительности, наделении ее определенными качествами и свойствами, моделировании социокультурной жизни [1. С. 142]. В современных трудах вне зависимости от исследовательского подхода неотъемлемой фигурой политического пространства является актор мировой политики, т.е. деятель, вовлеченный в процесс конструирования и деконструкции окружающей социально-политической реальности, способный контролировать и направлять развитие международно-политических процессов макро- и мезоуровней, способный к действию и взаимодействию [2. С. 74]. Проиллюстрируем эту мысль несколькими определениями. Так, под политическим пространством понимается «объективное пространство существования политических акторов; коммуникативное пространство взаимодействия акторов; символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства» [3. С. 74]; «глобальное, многоуровневое образование, на котором разворачиваются отношения по поводу завоевания, удержания и использования власти» [4. С. 11, 14]; «многомерная конфигурация политической жизни, выражающая определенные устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, индивидуальными и коллективными субъектами и акторами в процессе приобретения, организации и осуществления власти и управления в ходе политической коммуникации» [5. С. 37]. Как утверждает, исследователю поли-

тического пространства важно не просто распознать его индивидуальных и коллективных акторов, а проанализировать, как они взаимодействуют между собой и выстроить их иерархию [5. С. 92].

В международных отношениях ключевыми акторами по-прежнему являются национальные государства, имеющие пространственно-территориальное измерение. Но наряду с этим развивается экспансия внетерриториальных форм и измерений международной политики – прежде всего транснациональных и субнациональных [6. С. 120]. Когда национальные государства, сохраняя существенное политическое влияние, утрачивают монополию на международное представительство интересов собственных граждан, вступающих ради достижения своих целей в транснациональные связи и сообщества, следует говорить о транснационализации в политическом смысле [7. С. 18].

Исследователи обращаются к транснациональному подходу для того, чтобы:

- акцентировать пространственное измерение политических процессов и связей в условиях глобализации [8. С. 133–146];
- изучить формы и практики межкультурного взаимодействия поверх и помимо национальных, государственных, территориальных, политических и прочих границ;
- сформировать представления о социокультурном феномене транснационального, воплощающемся в новых культурных практиках, идентичностях, агентах культурных трансформаций и деятельностных контекстах [9. С. 170];
- диагностировать фактическую сферу деятельности политического субъекта в случаях, когда она не ограничена форматом национальной государственности и систематически преодолевает государственные границы [10. С. 4–5];
- преодолеть ограничения, присущие традиционным миграционным концепциям, в осмыслении реалий жизни индивидов и семей, связанных социальными, экономическими и политическими узами более чем с одним государством [11. С. 100–101];
- рассмотреть специфику наднациональных центров и уровней принятия и исполнения решений по вопросам миграции, трансграничной торговли, финансового регулирования, транспортной, экологической, энергетической политики, научной мобильности [5. С. 86].

Исследователи достаточно единодушны в том, что важная роль в транснациональном политическом пространстве отводится негосударственным акторам. Явление транснационализации, по их мнению, представляет собой процессы, включающие, по крайней мере, одного негосударственного актора, пересекающие национальные границы, но не являющиеся глобальными по своему охвату [12. С. 7]. Утверждается, что в условиях транснационализации негосударственные акторы становятся все более заметными, получая возможность представительства своих интересов за пределами государства [5. С. 86]. Предпринимаются попытки выявить устойчивые транснациональные связи негосударственных акторов поверх национальных границ на основе общих интересов и ценностей, когда упорядочиваются принципы, нормы

и правила, направляющие поведение участников политического процесса [5. С. 86]. Существуют работы, посвященные изучению отдельных транснациональных акторов [12, 14, 17, 24, 27], однако практически отсутствуют комплексные исследования данного феномена. В настоящей статье предпринята попытка устранить отмеченное противоречие. Мы предложим определение понятия *транснациональный актор*, опишем формы транснационального взаимодействия и классифицируем этих специфических акторов транснационального политического пространства.

Начнем с так называемой новой номадической, или кочевой, элиты (термин Ж. Аттали), разрывающей свои связи с родными местами, своим народом и своими ближними, освобожденной, наделенной властью, связанной между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией [13. С. 46–59]. Другое название этого политического актора – *транснациональная элита*. Представители этого круга обладают высокой мобильностью, космополитическим образом жизни, высокими доходами, развитым классовым самосознанием и демонстрируют высокий уровень сплоченности, решимости и стратегического мышления [14. С. 78]. Взаимодействие с международной средой еще больше усиливает ресурсную базу, необходимую для принятия решений на наднациональном уровне: *материальную* (финансы, технологии, военные средства), *культурно-информационную* (восприятие на международной арене, каналы и содержание информационных сообщений) и *организационную* (союзы и объединения, достижение целей в рамках многосторонних международных организаций и переговорных форматов) [15. С. 32].

Несмотря на слабое институциональное развитие этой группы, что не позволяет называть ее структуры «мировым правительством», ею уже создано множество политических институтов, основную массу которых составляют неправительственные, некоммерческие организации. Они выполняют две основные функции: являются коммуникационными площадками для ядра глобальной элиты, на которых происходит формирование повестки дня, согласование позиций различных элитных групп и формирование элитного консенсуса по обсуждаемым вопросам; занимаются идеологическим, теоретическим и аналитическим обеспечением деятельности глобальной элиты, на грантовой основе привлекая к обсуждению актуальной тематики ведущих мировых исследователей [14. С. 80]. Напомним, что формирование глобальных воззрений становится новым и наиболее эффективным средством осуществления власти на мировой арене [16. С. 190].

В этой связи выделяют транснациональную бюрократию – особый тип политической элиты, представленный высшими чинами наднациональных структур, которые наделены властными ресурсами и принимают решения в рамках полномочий международных организаций [17. С. 140–141]. Транснациональную бюрократию характеризуют [17. С. 137–139]: относительная самостоятельность в мировой политике вследствие автономии надгосударственных институтов; специфические экономические интересы; политический интерес в продвижении идеологии глобализма, глобалистских инициатив и проектов, что является опорой ее власти и источником ресурсов; универсальные гуманистические ценности в качестве идейного обоснования осуществления властных инициатив на наднациональном уровне; систематизация

и развитие транснациональных практик в сфере международного публичного и частного права; концентрация финансовых ресурсов на наднациональном уровне, что обеспечивает возможность непосредственно управлять политическими процессами.

Основные тенденции транснационализации политической элиты свидетельствуют о ее значительной роли в мировом политическом процессе. Транснациональная элита обладает: 1) прочными позициями, а зачастую и самой государственной властью во многих странах и имеет возможности для выработки государственной политики, обслуживающей интересы глобальной элиты; 2) мощным средством давления на суверенные государства – угрозой прекращения инвестиций в страну в случае ухудшения инвестиционного климата; 3) обширным арсеналом способов смены политической власти в стране, с которой расходятся ее интересы: организация «бархатной революции», т.е. свержение действующей власти ненасильственными методами; вооруженного мятежа или гражданской войны с оказанием всесторонней помощи мятежникам; иностранной военной интервенции [14. С. 81–82].

Согласно исследованиям, понятие актора относится не только к коллективному участнику политического процесса, но и к индивиду как непосредственному деятелю, чья мотивированность определяет факт его включенности в транснациональные интеракции. Здесь также значим феномен номадизма, или детерриториализации, т.е. падение значимости территории в системе самоидентификации индивида [5. С. 81]. Номады – это путешественники, мигранты, чужаки, кочевники, находящиеся «в пути», «в движении», «преодолевающие границы», пребывающие «за пределами», «между мирами». Они являют собой прямую противоположность оседлости, укорененности и скованности, демонстрируя амбивалентность, непредсказуемость, отклонение от культурных и лингвистических традиций и гибридность [18. С. 64]. Это в немалой степени связано с широким распространением номадических технологий, способствующих мобильному образу жизни и утрате традиционной привязанности к определенному месту в общественной и частной жизни. Перечислим характеристики номадических товаров, «превращающих» людей в кочевников: портативность, миниатюрность, простота и удобство в обращении; сосредоточение в себе объема знаний для обеспечения связи и оказания услуг без участия людей; расширение рамок мозговой деятельности человека; возможности общения независимо от места пребывания; стирание представлений о естественном делении суток на дневное и ночное время, как и всякое понятие о времени; предоставление условий для манипуляции информацией – образами, формами, звуками. Добавим, что номадические товары являются средствами достижения беспрецедентной степени личной автономии, а владение ими или доступ к ним рассматривается как признак свободы и могущества [13. С. 46–59].

Исследователи отмечают, что номады являются носителями транснациональной политической культуры, под которой понимается «система порождения, отбора, воспроизводства и трансляции транснационального политического опыта» [19. С. 21]. К этой группе следует отнести *транснациональных мигрантов* (мобильных субъектов, которые одновременно создают и поддерживают социальные отношения, связывающие между собой общества их

происхождения с обществами их пребывания и места жительства), «глобальных кочевников» (людей, которые путешествуют из одной страны в другую без постоянного проживания или работы, в силу чего их связи со страной происхождения неумолимо ослабевают) и *транснациональных интеллектуалов* (билингвальных субъектов, имеющих опыт проживания и образования в разных странах, восприимчивых к различным типам мышления, приобщенных к разным интеллектуальным традициям и ориентированных на интеллектуальное сближение культур, исторически разделенных нарративами вражды и образами «врага») [19. С. 22–24]. Рассмотрим, являются ли они акторами транснационального политического пространства.

Транснациональные мигранты (трансмигранты) способны к совмещению физического отсутствия с социальным присутствием и участием. Они не просто меняют место проживания, но перекраивают жизненное пространство, значительно расширяя пределы своей повседневности. Благодаря этому создается новая реальность – «транснациональное социальное пространство», в котором люди пребывают в раздвоенном состоянии «своих» и «чужих», «законных» и «незаконных», «семейных» и «несемейных», «бедных» и «богатых» и т.д. Подобный дуализм позволяет трансмигрантам развивать и поддерживать разнообразные трансграничные взаимоотношения: семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные, политические и т.д. [11. С. 100–101].

Эта деятельность может иметь разный уровень институционализации. Политический сектор низкого уровня институционализации включает в себя общественные комиссии, созданные иммигрантами; альянсы комитетов иммигрантов с политическими ассоциациями родной страны; организации, собирающие средства для кандидатов на выборы в родной стране. К высокому уровню институционализации относится деятельность консульских чиновников и представителей национальных политических партий за границей; предоставление правительством родной страны двойного гражданства своим эмигрантам; избирание иммигрантов в законодательные учреждения родной страны. Кроме того, трансмигранты приносят с собой представления об управлении государством, что влияет на политику принимающей стороны [20. С. 25–26]. Даже отсутствие гражданства не мешает им принимать участие в политической жизни, влияя на общественное мнение своими действиями.

Глобальные кочевники – это руководители транснациональных корпораций и банков, периодически переезжающие вместе с семьями из одного мегаполиса в другой; специалисты, чей функционал не связан с конкретным физическим расположением в пространстве, – программисты, журналисты, преподаватели языков, представители ручного труда. Исследования показывают, что участие глобальных кочевников в политических действиях (кампаниях, выборах, акциях протеста, интернет-активизме) маловероятно. Возможность участия в выборах ограничена отсутствием права голоса по причине статуса временного проживания в стране и каких-либо значимых корней, связанных со страной пребывания. Не имея территориальной или эмоциональной связи со страной пребывания, глобальные кочевники озабочены получением многокультурных знаний, поддержанием стабильного образа жизни и спустя неопределенное время переезжают в другую страну.

Приведем свидетельства аполитичности глобальных кочевников: 61% опрошенных не принимает участие в онлайн и оффлайн политических акциях; 27% отметили отсутствие политической мотивации для участия в подобных действиях; 6% заявили об отсутствии морального права действовать политическими методами в стране временного пребывания. Их связь с политической системой ограничена вопросами получения виз и паспортов, т.е. тем, что касается зарубежных поездок. Это показывает обособленность глобальных кочевников от политической системы и желание избежать «ловушек» в виде избирательных прав, которые могли бы «укоренить» их в стране пребывания и помешать переезду в другую страну [21. С. 35–36, 39].

Транснациональные интеллектуалы сочетают общие, свойственные интеллектуалам любой эпохи, и специфические, обусловленные особенностями периода глобализации, характеристики. К общим характеристикам следует отнести автономность, публичность, высокий образовательный уровень, космополитическое мировоззрение и политический активизм. Специфические характеристики предопределены пространственно-временными особенностями эпохи глобализации. Так, аудитория современного интеллектуала не очерчена территориальными границами или узкими рамками академического, профессионального, религиозного или другого сообщества. Его политические взгляды не ограничены интересами государства, гражданство которого он имеет, а отражают вовлеченность в мировые проблемы и внешнеполитические вопросы, предлагая космополитическую альтернативу политике идентичности. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий обеспечило формирование глобальной интеллектуальной сети и распространение интернет-активизма как стимула расширения публичной сферы вне государственных границ [22. С. 132–133].

Транснациональные интеллектуалы, обладающие особым статусом, основанным на наличии определенного знания, пользующиеся авторитетом в политически значимых вопросах, относящихся к их специализации, могут объединяться в эпистемические сообщества, или сети экспертов. По мере вовлечения в политический процесс вопросов, ранее относимых к области специального знания (экологических, технологических, медицинских и т.д.), воздействие подобных сообществ на политику возрастает как внутри отдельных стран, где они выступают в роли устойчивых экспертных групп, консультирующих бюрократический аппарат, или становятся его частью, так и на транснациональном уровне, где эпистемические сообщества создают собственные институты, способные оказывать влияние на международные отношения [23. С. 175].

Исходя из вышеизложенного, среди индивидов – носителей транснациональной политической культуры – к транснациональным актерам как активным участникам мировых политических процессов следует отнести транснациональных интеллектуалов.

Классификацию «проводников транснационализма» дополняют коллективные актеры – *социальные движения, трансграничные этнические сообщества* и, в определенной степени, *международные террористические группы* [24. С. 176–177].

Социальные движения включают шесть основных типов, характеризующихся глобальными масштабами координации и активности: движение за права человека, женское движение, движение защитников окружающей среды, рабочее движение, религиозное движение и движение за мир [16. С. 170]. Возникли транснациональные общественные движения из национальных движений, которые потерпели неудачу при решении растущего числа общественно значимых проблем. Действуя в тесной связи с правительствами, официальные СМИ транслируют политические вопросы, ограничиваясь национальным контекстом. Они уделяют минимальное внимание интересам меньшинств, участникам антивоенных кампаний, борцам с проблемами окружающей среды, сторонникам отмены смертной казни и т.п., что является предметом заботы неправительственных организаций и других активистов. Для социальных движений политическая жизнь на национальном уровне – лишь одна из целей, в основном же целью является международный уровень [25. С. 63–64].

Современные социальные движения заявляют о себе в Интернете и посредством Интернета [16. С. 165]. Поскольку власть во все большей степени действует через глобальные сети, эти движения сталкиваются с необходимостью соразмерять свои масштабы с глобальным влиянием властей с тем, чтобы самим оказывать глобальное воздействие посредством масс-медиа. Более того, многочисленные группы в разных странах (студенты, военные, этнические меньшинства и др.) могут копировать политические действия и выдвигать политические требования, почерпнутые из глобальных СМИ, не вступая в прямой контакт с источником информации [26. С. 337].

Эффективность движения обеспечивается его разнообразием. Оно может не иметь постоянной профессиональной организации, управленческого центра или общепринятой программы, встречаться время от времени в акциях протеста, а затем исчезать или сменяться новой волной активистов. Объединение участников в сеть посредством Интернета позволяет движению одновременно оставаться и разношерстным, и скоординированным, не прекращать дискуссии и тем не менее не погрязать в них, поскольку каждый из его узлов способен реконфигурировать сеть своих намерений и целей, учитывая интересы смежных групп и многочисленные связи. Транснациональное движение – это электронная интерактивная сеть организации и мобилизации, движение, основывающееся на использовании Интернета [16. С. 169].

Трансграничные этнические сообщества представляют собой диаспорные сети, ассоциации и структурные общины мигрантов, поселенцев и беженцев, множество из которых нацелено на действия в качестве «групп давления», требующих политического признания в обоих политических пространствах. Несмотря на размывание связей с территорией, место происхождения может активно использоваться как ресурс выстраивания жизненных стратегий там, куда человек перемещается в поисках работы. В этом смысле диаспоры и землячества начинают стихийно и неформально конструироваться как особые диаспоральные пространства, а затем могут превратиться в институализированные политические сообщества [5. С. 80–81].

Международные террористические группы, апеллирующие к давней традиции прямого действия, характеризуются наличием либо отсутствием

четкой идеологической основы. Неизменным остается использование ими методов устрашения гражданского населения в международных масштабах. То, что эти отрезанные от доступа к общественной сфере группы обращаются к тактикам демонстрации силы, которые шокируют, привлекают внимание СМИ и, таким образом, устанавливают новостную повестку дня, делает терроризм наиболее сильной и влиятельной формой политической коммуникации [27. С. 281]. Паразитируя на развитии информационно-коммуникационных технологий, террористические группы являются проводником нового сетевого принципа организации международно-политического пространства, формируя интегрированные, полицентричные идеологические сети.

Очевидно, что Интернет превратился из инструмента бизнеса и средства коммуникации в рычаг общественных преобразований, хотя и не всегда на тех условиях, которых добиваются социальные движения, или не всегда осуществляемых в защиту ценностей, разделяемых мировым сообществом [16. С. 171].

Вышеназванные индивиды и группы, объединенные общими корнями – национальными, этническими, религиозными, лингвистическими – и разделяющие общую идентичность и интересы поверх государственных границ, образуют особый тип международно-политических акторов – *транснациональную общественность* [28. С. 113]. Для обозначения специфических транснациональных форм взаимодействия используют понятие «сети солидарности» [28. С. 110]. Через взаимодействие и противодействие национальных, региональных, религиозных или профессиональных сетей солидарности формируется *транснациональное гражданское общество* и создаются новые массовые формы политического участия, например транснациональный интернет-активизм. Подобные формы еще не легитимизированы в международно-политическом дискурсе, но уже оказывают влияние на политическую систему и формирование политического пространства [25. С. 137]: видоизменяются пространственные детерминанты политического сообщества; снижается важность физической территории как хранилища политического значения; накладывается ограничение на любого политического актора выступать в качестве гегемона; происходит развитие публичной сферы в терминах пространства и дискурса вне контроля государства.

Итак, *транснациональные акторы* – это влиятельные государственные и негосударственные, индивидуальные и коллективные участники мирового политического процесса, представляющие свои интересы поверх национальных границ, используя специфические сетевые формы взаимодействия и новые массовые формы политической деятельности, что ведет к транснационализации политического пространства. К данной группе политических акторов мы относим транснациональную элиту, трансмигрантов, транснациональных интеллектуалов, социальные движения, трансграничные этнические сообщества, международные террористические объединения, наднациональные политические институты и в целом транснациональную общественность. Отметим, что не все носители транснациональной политической культуры являются транснациональными акторами.

Литература

1. *Щербинин А.И.* Политический мир во времени и пространстве // Полис. Политические исследования. 1994. № 6. С. 142–149.
2. *Красина О.В.* Конструирование транснационального пространства как теоретико-методологическая проблема в современной теории мировой политики // Власть. 2010. № 11. С. 69–74.
3. *Антанович Н.А.* Концептуальная динамика в политической науке: сравнительный анализ понятий «политическая система», «политическая сеть», «социальное пространство», «политическое поле» // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2015. № 2. С. 70–76.
4. *Плугатаренко П.Н.* Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 24 с.
5. *Прохоренко И.Л.* Испания в Европейском Союзе: взаимовлияние национального и транснационального политических пространств: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2015. 375 с.
6. *Мельвиль А.Ю.* Пространство и время в мировой политике // Космополис. 2007. № 2(18). С. 117–122.
7. *Стрежнева М.В.* Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 1. С. 17–28.
8. *Кайзер М., Бредникова О.* Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / под ред. Бараулиной Т., Карпенко О. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133–146.
9. *Островская Е.А.* Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2 (67). С. 168–188.
10. *Транснациональные политические пространства: явление и практика* / отв. ред. М.С. Стрежнева. М.: Весь Мир, 2011. 376 с.
11. *Толстокорова А.В.* Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 98–121.
12. *Albert, M., Bluhm, G., Helmig, J., Leutzsch, A., & Walter J. (eds.).* Transnational Political Spaces: Agents – Structures – Encounters. Frankfurt a. M. / N.Y.: Campus, 2009. 322 p.
13. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / пер. с англ. М.: Международные отношения, 1993. 70 с.
14. *Брега А.В., Копылов И.А.* Транснационализация политической элиты и влияние этого процесса на суверенитет государства // Власть. 2014. № 11. С. 77–83.
15. *Смирнов В.А.* Международные истоки поведения элит // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 2(45). С. 23–37.
16. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
17. *Шебанова М.А.* Международная бюрократия как слой транснациональных политических элит // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 136–148.
18. *Pels D.* Privileged Nomads: On the Strangeness of Intellectuals and the Intellectuality of Strangers // Theory, Culture & Society. 1999. Vol. 16, № 1. P. 63–86.
19. *Акопов С.В.* «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1(14). С. 21–27.
20. *Кочеткова Л.Ю.* Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия // Географический вестник. 2013. № 2(25). С. 24–28.
21. *Lintar S.* The Multicultural Global Nomads' Fluid Identity & Apolitical Behaviour: Challenging the Concept of the System of State Politics. Högskolan Dalarna, Statsvetenskap, 2016. 53 p.
22. *Тормошева В.С.* Постмодернистский / глобальный интеллект в международно-политическом процессе // Интеллигенция и мир. 2016. № 3. С. 121–135.
23. *Блинов А.Н., Талагаева Д.А.* Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // Политика. 2014. № 1(72). С. 174–183.
24. *Акопянц А.К.* Транснационализация современного мирового политического процесса и «акторы вне суверенитета» // Власть. 2013. № 1. С. 174–177.

25. Rodgers J. Spatializing International Politics: Analysing Activism on the Internet. London: Routledge, 2003. 169 pp.

26. Keohane R.O. & Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. 1971. № 25(03), Cambridge: Cambridge University Press. P. 329–349.

27. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. Х.: Гуманитарный центр, 2010. 300 с.

28. Kastoryano R. Citizenship, Civil Society, and Transnational Participation: Muslims in Europe // Hermann, T.S. (Ed.) By the People, For the People, Without the People? The Emergence of (Anti)Political Sentiment in Western Democracies and in Israel. Jerusalem: The Israel Democracy Institute, 2012. P. 98–118.

Tormosheva Vera S. Nizhny Novgorod Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

E-mail: tormosh@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/37/28

ACTORS OF POLITICAL SPACE IN THE CONTEXT OF TRANSNATIONALIZATION

Key words: *political space, transnationalization, transnational actor.*

The article examines the worldwide political process actor in the context of transnationalization – a modern trend closely connected with increased intercultural interactions on representing powerful interests beyond national boundaries. The focus is on defining the term “transnational actor”, describing transnational forms of political engagement, and classifying these particular actors of transnational political space.

References

1. Shcherbinin, A.I. (1994) Politicheskiy mir vo vremeni i prostranstve [Political world in time and space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 142–149.

2. Krasina, O.V. (2010) Konstruirovaniye transnatsional'nogo prostranstva kak teoretiko-metodologicheskaya problema v sovremennoy teorii mirovoy politiki [The construction of transnational space as a theoretical and methodological problem in the modern theory of world politics]. *Vlast' – Power*. 11. pp. 69–74.

3. Antanovich, N.A. (2015) Conceptual Dynamics in Political Science: Comparative Analysis of the Concepts of “political system”, “the political network”, “social space”, “political field”. *Vestnik Brestskaya yuniversiteta. Seryya 1. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya – Vestnik of Brest Univesity. Philosophy. Politology. Sociology*. 2. pp. 70–76. (In Russian).

4. Plugatarenko, P.N. (2012) *Sovremennoe politicheskoe prostranstvo: osobennosti i tendentsii ego formirovaniya (teoretiko-metodologicheskii analiz)* [The modern political space: Features and tendencies of its formation (the theoretical-methodological analysis)]. Abstract pf Politology Cand. Diss. Moscow.

5. Prokhorenko, I.L. (2015) *Ispaniya v Evropeyskom Soyuze: vzaimovliyanie natsional'nogo i transnatsional'nogo politicheskikh prostranstv* [Spain in the European Union: The mutual influence of the national and transnational political spaces]. Politology Dr. Diss. Moscow.

6. Melville, A.Yu. (2007) Prostranstvo i vremya v mirovoy politike [Space and time in world politics]. *Kosmopolis*. 2(18). pp. 117–122.

7. Strezhneva, M.V. (2005) Integratsiya i vovlechenie kak instrumenty global'nogo upravleniya [Integration and involvement as tools of global management]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 3(1). pp. 17–28.

8. Kayzer, M. & Brednikova, O. (2004) Transnatsionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality (commentary on terminology)]. In: Baraulina, T. & Karpenko, O. (eds) *Migratsiya i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the national state]. St. Petersburg: TsNSI. pp. 133–146.

9. Ostrovskaya, E.A. (2013) Transnational Space of Global Intercultural Interactions: A Methodology of Sociological Research. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2(67). pp. 168–188. (In Russian).

10. Strezhneva, M.S. (ed.) (2011) *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political spaces: The phenomenon and practice]. Moscow: Ves' Mir.

11. Tolstokorova, A.V. (2013) Transnational and gender paradigms in the study of international mobility: the case of Ukraine. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 12(2). pp. 98–121. (In Russian).
12. Albert, M., Bluhm, G., Helmig, J., Leutzsch, A., & Walter J. (eds) (2009) *Transnational Political Spaces: Agents – Structures – Encounters*. Frankfurt a. M. / New York: Campus.
13. Attali, J. (1993) *Na poroge novogo tysyacheletiya* [On the threshold of a new millennium]. Translated from English. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
14. Brega, A.V. & Kopylov, I.A. (2014) Transnatsionalizatsiya politicheskoy elity i vliyaniye etogo protsessa na suverenitet gosudarstva [Transnationalisation of the political elite and the impact of this process on the sovereignty of the state]. *Vlast' – Power*. 11. pp. 77–83.
15. Smirnov, V.A. (2016) International sources of political conduct. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2(45). pp. 23–37. (In Russian). DOI 10.17994/IT.2016.14.2.45/2
16. Castells, M. (2004) *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Translated by A. Matveev, V. Kharitonov. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
17. Shebanova, M.A. (2012) International bureaucracy as the stratum of transnational political elites. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 136–148. (In Russian).
18. Pels, D. (1999) Privileged Nomads: On the Strangeness of Intellectuals and the Intellectuality of Strangers. *Theory, Culture & Society*. 16(1). pp. 63–86. DOI: 10.1177/026327699016001005
19. Akopov, S.V. (2014) “Transnatsional'naya politicheskaya kul'tura”: v poiskakh novoy sub"ektnosti [“Transnational political culture”: In search of new subjectivity]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1(14). pp. 21–27.
20. Kochetkova, L.Yu. (2013) Transnatsional'naya migratsiya: ponyatie, usloviya razvitiya i posledstviya [Transnational migration: Concept, conditions of development and consequences]. *Geograficheskii vestnik*. 2(25). pp. 24–28.
21. Linter, S. (2016) *The Multicultural Global Nomads' Fluid Identity & Apolitical Behaviour: Challenging the Concept of the System of State Politics*. Högskolan Dalarna, Statsvetenskap.
22. Tormosheva, V.S. (2016) Postmodernistskiy / global'nyy intellektual v mezhdunarodno-politicheskom protsesse [Postmodernist / global intellectual in the international political process]. *Intelligentsiya i mir – Intelligentsia and the World*. 3. pp. 121–135.
23. Blinov, A.N. & Talagaeva, D.A. (2014) Scientific community as political actor: role of international scientific organizations. *Politiya – Russian Polity*. 1(72). pp. 174–183. (In Russian).
24. Akopyants, A.K. (2013) Transnatsionalizatsiya sovremennogo mirovogo politicheskogo protsessa i “aktory vne suvereniteta” [Transnationalisation of the modern world political process and “actors outside sovereignty”]. *Vlast' – Power*. 1. pp. 174–177.
25. Rodgers, J. (2003) *Spatializing International Politics: Analysing Activism on the Internet*. London: Routledge.
26. Keohane, R.O. & Nye, J.S. (1971) Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. 25(03). pp. 329–349. DOI: 10.1017/S002081830002618
27. Lilleker, D. (2010) *Politicheskaya kommunikatsiya. Klyucheveye kontsepty* [Key Concept in Political Communication]. Translated from English by S. Ostnek. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
28. Kastoryano, R. (2012) Citizenship, Civil Society, and Transnational Participation: Muslims in Europe. In: Hermann, T.S. (ed.) *By the People, For the People, Without the People? The Emergence of (Anti)Political Sentiment in Western Democracies and in Israel*. Jerusalem: The Israel Democracy Institute. pp. 98–118.